

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 9.902/904, 9. 929

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12201

Статья поступила в редакцию 05.02.2019

ЛИЧНЫЙ АРХИВ АРХЕОЛОГА М.Е. ФОСС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2019

Якушкина Марина Михайловна, научный сотрудник отдела письменных источников
Кашина Екатерина Александровна, кандидат исторических наук,
 научный сотрудник отдела археологических памятников
Государственный исторический музей (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена изучению материалов архива выдающегося археолога М.Е. Фосс, которые имеют как научный, так и личный характер. Эти материалы дают нам представление о личности М.Е. Фосс. Главные ее качества – трудолюбие и организованность, помноженные на умение терпеть и преодолевать трудности, не предаваясь унынию. Они отчетливо прослеживаются по полевым записям, например, касающимся поездке на Летний берег Белого моря с коллегами холодным летом 1926 г., с морозами, северными ветрами, мошкой, дикими зверями и без оружия. Некоторые записи и рисунки, сохранившиеся в архиве, указывают на прекрасное чувство юмора М.Е. Фосс. В переписке с коллегами, местными краеведами и музейщиками она не делала различий, демонстрируя готовность оказать помощь и поддержку, дать добрый совет, будь то зеленый студент или маститый ученый. Она всегда старалась быть в стороне от советской идеологии, как в научной работе, так и в жизни, и всем сердцем любила природу, что очень сильно проявляется в ее лирических заметках, сделанных в ходе многочисленных экспедиций.

Ключевые слова: археология каменного века; археология бронзового века; Государственный исторический музей; историография археологии; музееведение; музеи СССР; археологические раскопки; археологические разведки; Институт археологии РАН; экспедиции; зарисовки; Русский Север; переписка; рецензирование.

Мария Евгеньевна Фосс (1899–1955) – очень известный археолог, исследователь каменного и бронзового века Севера и Центра Европейской части России (рис. 1).

Рисунок 1 – М.Е. Фосс. Фото [5, л. 7]

Сведения о ее научной деятельности можно почерпнуть в целом ряде публикаций [1; 2; 3; 4]. Большую часть своей жизни, тридцать пять лет, она работала в Государственном Историческом музее. М.Е. Фосс оставила колоссальное научное наследие,

а также обширный архив, который хранится в отделе письменных источников Исторического музея и содержит 155 единиц хранения [5]. Основу архива составляют материалы, которые непосредственно связаны с научной деятельностью Фосс. Это – практически полностью сохранившаяся полевая документация археологических экспедиций ГИМ, проведенных ею в 1924–1954 гг.: Северной экспедиции (1926–1941 гг.), Галичской экспедиции (1945–1947 гг.), Лесостепной экспедиции (1935, 1951–1954 гг.). Это комплексы материалов, связанные с подготовкой и защитой кандидатской диссертации «Каргопольская культура» (1945 г.) и докторской диссертации (ею стала монография «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» М. 1952 г.). В материалах М.Е. Фосс как члена Ученого Совета ИИМК АН СССР и сотрудника сектора Первобытной археологии сохранились протоколы заседаний сектора Первобытной археологии с 12.01.1945 по 24.03.1950 гг., а также рабочие записи, выполненные ею в ходе этих заседаний. Среди материалов фонда – черновики многих работ Фосс, в том числе, монографии «Древнейшая история Севера Европейской части СССР». Кроме этой монографии, ею было опубликовано еще шестьдесят четыре работы, включая двенадцать энциклопедических статей в БСЭ. Научная переписка М.Е. Фосс, датированная в интервале 30.12.1925 г. – 5.06.1955 г., представлена сорока письмами археологов, музейных работников, краеведов, геологов, биологов, сотрудников редакций и институтов АН СССР. Личные документы М.Е. Фосс датируются 1950-ми гг. Это прежде всего черновики автобиографии М.Е. Фосс, один из них написан на бланке Академии наук СССР 14.11.1952 г., фотография и

пропуск М.Е. Фосс в Центральную поликлинику Министерства здравоохранения СССР от 14.11.1951 г.

Несмотря на небольшое количество документов личного характера в фонде, нам кажется правомерной постановка указанной выше темы, поскольку многочисленны научные материалы (полевые дневники и рабочие записи, рецензии и отзывы, переписка) дают представления об уникальности личности М.Е. Фосс. Главной составляющей ее характера на наш взгляд являлись трудолюбие и организованность, помноженные на умение терпеть и преодолевать трудности, не предаваясь унынию.

Эти ее качества четко прослеживаются во всех полевых записях, начиная с Отчета о раскопках на Летнем берегу Белого моря, произведенных летом 1926 г. [6, л. 1–1 об.], когда трое участников Северной экспедиции (М.Е. Фосс, А.Я. Збруева, А.Я. Брюсов), частично за свой счет, в отсутствии возможности нанять рабочих и тяжелейших природных условиях (холодное лето 1926 г. с морозами, северные ветры, мошка, наличие диких зверей при отсутствии оружия и т.д.) разведками подготовили почву для будущей Северной экспедиции ГИМ. Нередко Фосс осуществляла разведки и в одиночку. Свидетельство тому – полевой дневник разведок в окрестностях Кенозера, август 1930 г. Мария Евгеньевна, проезжая на дождь по дороге, где «чертовы ребра» и мосты выпирают вверх, а сама дорога вниз – в землю», доверяет бумаге свои невеселые мысли: «Беспокоит Кубенино. Если погода повернет на дождь, то что будет с раскопками? Для выявления полностью Кубенинской стоянки надо раскопать еще метров 150–200. Средства и продовольствие есть. Пошлю телеграмму о продолжении командировки до 20-го. Даже если будет дождь, все равно работу проведу» [7, л. 6–7 об.].

Высшая степень интенсивности работ в полевых условиях прослеживается практически в материалах всех экспедиций, руководимых Фосс с 1926 по 1954 годы. Особенно подробные записи в фонде есть в документах Северной экспедиции 1937 г. – материалы разведок в Северной области по р. Югу в Усть-Алексеевском районе (50 км. от г. Устюга) [8]; Галичской экспедиции 1945–1947 гг. – полевой дневник Галичской экспедиции 1945 г. [9]; Лесостепной экспедиции 1951–1954 гг. – полевые записи о разведке у с. Борковка Пензенской обл. 1951 г. [10], раскопки стоянок Пионерская и Витховка III. 1954 [11]. За приездом на место обязательно следовало посещение (иногда неоднократное) местного музея или архива, совместные разведки с краеведами (имена и адреса которых фиксировались в полевых документах), и сразу же развешивались раскопки намеченных объектов (рис. 2).

Раскопки Фосс совмещала с разведками. Свидетельством ее параллельной научно-исследовательской и организационной деятельности являются черновые финансовые документы – записи о расчетах с рабочими, закупке продовольствия, оплате транспорта (ж.д., паром, лодка, лошадь). Документация сопровождается фотографиями раскопок и разведок, в том числе раскопа на стоянке Кубенино 1928 г. [13, л. 205–206], городища Валушки 1929 г. [14, л. 21], стоянки Бисерово 1951 г. [15, л. 86, 99]. Интересно, что сама М.Е. Фосс всегда оказывается при съемках где-то на заднем плане. Так в полевом дневнике Га-

личской экспедиции 1945 г., писавшемся по-видимому в вечерние часы у свечи или костра (л. 17 в центре прогорел), зафиксировано: «4–5.08. Проведено обследование дюны со стоянкой Умилиние. Одновременно перевезен экспедиционный груз из багажной конторы на базу экспедиции. 6.08. Устройство жилья и лаборатории 7.08. Осмотр дюн 8.08. Поездка в город за рабочими 9.08. Силами экспедиции начаты раскопки». [9, л. 19]. На обложке дневника яркими цветными карандашами нарисованы цветок, ночной лес, а первый же лист открывается изображением мухи, пронзенной стрелой и словами: «Смерть мухам! Герб и девиз археологической экспедиции под рук. М. Фосс в г. Галич в 1945 году» (рис. 3).

А среди многих рабочих фотографий указана лишь одна личная: «в избе при свече вокруг букета с ромашками» [9, л. 78].

Обширная рабочая переписка Фосс свидетельствует не только о широте ее научных интересов, но и высвечивает отношение к ней корреспондентов. Со многими ее с юности связывала совместная работа. В сентябре 1924 г. будущие выдающиеся археологи А.В. Арциховский, С.В. Киселев и М.Е. Фосс проходили археологическую практику на раскопках курганов вятичей на р. Рожай у сел Никитское, Константиновское и Ушмары. В фонде отложились полевые дневники, в дневнике С.В. Киселева есть подпись: С. Киселев (Верблюды), а сама Фосс имела шутовское прозвище Хвост [16, л. 7 об.] (рис. 4).

Сохранились подробные рабочие записи Марии Евгеньевны, выполненные в ходе заседаний сектора Первобытной археологии и многочисленные глубокие и доброжелательные рецензии на труды своих коллег: А.В. Арциховского, М.М. Герасимова, В.А. Городцова, О.А. Граковой, М.П. Грязнова, Н.Н. Гуриной, Л.В. Евтюховой, А.В. Збруевой, С.В. Киселева, В.И. Крупнова, Б.А. Куфтина, А.П. Окладникова, Т.С. Пасек, А.А. Формозова, И.К. Цветковой, В.Н. Чернецова и др. Письма коллег отличаются теплотой и сердечностью, они без боязни делились с ней своими научными и личными проблемами, предполагая в ответ дельного совета и просто дружеской поддержки. О.Н. Бадер в июне 1950 г. из экспедиции в Прикамье в зоне КАМ ГЭС писал: «Именно Вам мне часто хочется писать, поделиться своими новыми мыслями и соображениями, и именно вам я так безобразно долго не отвечал» [17, л. 8]. С Бадером Фосс связывали дружеские отношения, его сын, также будущий археолог, Н.О. Бадер в десятилетнем возрасте работал в Галичской экспедиции 1945 г. (упоминаются фото: «Коля Б на горке. Коля Б на сосне» [9, л. 78]). Интересно, что письмо Бадера от 15.02.1948 г., в котором говорится о спорах с И.К. Цветковой по проблемам Волосовской культуры, написанное в нервных тонах, оказалось порванным, очевидно, рукой М.Е. Фосс [17, л. 5].

Свои первые впечатления о раскопках стоянки Володары в мае 1946 г., пребывая в абсолютной эйфории, И.К. Цветкова также адресует Фосс: «У нас совершенно исключительное везенье! Володары оказались изумительным памятником. Вложенные контуры вещей говорят сами за себя. Таких вещей куча. Керамика чисто волосовская. Вот Вам мой первый маленький отчет» [17, л. 84, 89].

Рисунок 2 – а. Г. Каргополь. б. Вид экспозиции Каргопольского музея. Фото. [12, л. 9, 11]

Рисунок 3 – Рисунки в полевом дневнике Галичской экспедиции. 1945 г. Цветной карандаш. Слева – рисунок на обложке, справа – рисунок на листе [9, л. 1–2]

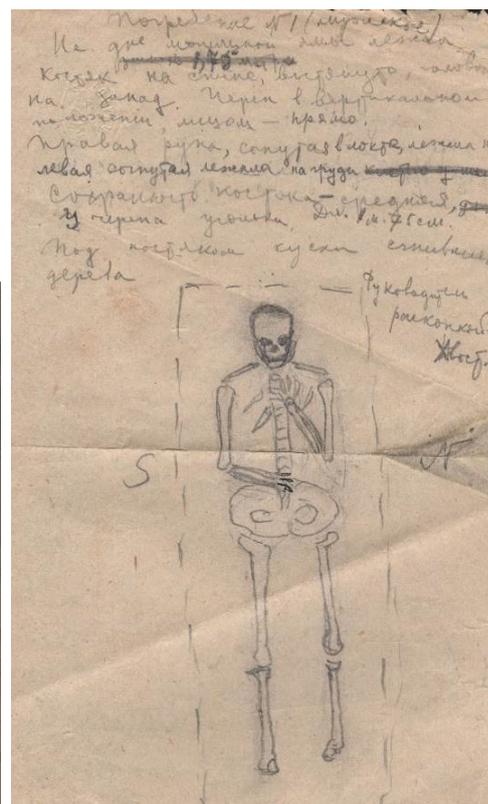

Рисунок 4 – Полевой дневник с зарисовкой костяка из кургана у с. Никитское. Рукоп. Карандаш. Автограф М.Е. Фосс. 7.09.1924 г. Справа надпись: «Руководитель раскопкой – Хвост» [16, л. 7 об.]

Н.Н. Гурина, при подготовке монографии «Оле-неостровский могильник» (М.-Л., 1956) до последних дней Фосс делилась с ней своими сомнениями, в том числе по идеологической составляющей работы. 20 июня 1950 г. впервые увидел свет труд И.В. Сталина «Марксизм и языкознание». В письме от 12.12.50 г. Гурина писала: «Я рада появлению работ тов. Сталина не только в общественном плане, но и особенно в личном. Я обрела какую-то долю веры в себя, чувство, что безнадежно глупа, несколько уменьшилась...» [17, л. 41 об.]. 24.12.1953 г. датируется отзыв М.Е. Фосс, призванный ускорить издание книги Н.Н. Гуриной, которая «является ценной и интересной работой, которая заслуживает скорейшего книгопечатания, чтобы уникальный археологический памятник и его исследования стали общим достоянием» [18, л. 79]. В 1946 г. Марией Евгеньевной был написан отзыв на отчет А.П. Окладникова о развед-

ках стоянок от неолита до раннего железного века на р. Хатанге, зимовья XVII в. на острове Фаддея и в заливе Симса 1945 г., в котором она с восхищением пишет, что данный отчет «выходит за пределы обычного формального отчета о полевой работе. Помимо требуемых сведений в нем дано подробное описание добытых материалов с выяснением назначения предметов, сравнения их с другими памятниками, привлекая этнографические данные. Исследование зимовья 17 века является по условиям местонахождения культурных остатков совершенно необыкновенным, так как здесь культурный слой в общепринятом понимании отсутствовал: остатки зимовья находились на поверхности земли. Тем не менее А.П. Окладниковым блестяще выполнено возложенное на него задание. Работа его в отношении методики может послужить образцом. А.П. развертывает картину катастрофических событий, происшедших

в заливе Симса и на острове Фаддея в 17 веке: трагической гибели русских промышленников от голода» [19, л. 13–14] (04.04.1946 г.).

Окладников осенью 1954 г. (17.11.1954) старался подбодрить Фосс: «Сектор и Я лично очень благодарим Вас за готовность принять участие в новом подготавливаемом нами выпуске МИА» [17, л. 51].

Как рецензент, Фосс всегда обращала внимание на стиль изложения работ: «Наиболее интересные те, в которых автор помимо сообщения о результатах полевых исследований дают широкое освещение, затрагивая общие вопросы археологии. В отношении литературного изложения следует отметить, что некоторые статьи требуют основательной переработки» [18, л. 117–118] (Отзыв на КСИИМК вып. 26 от 23.05.1948 г.).

Отзывы Фосс на студенческие работы проникнуты пониманием того, что дипломника следует поддерживать. Отметив достоинства диплома Г.П. Беляевой, она пожелала ей «сохранить энтузиазм с которым она писала свою работу, это залог успеха в будущем» [18, л. 42]. Дипломная работа А.В. Виноградова заслужила самой высокой оценки, поскольку студенту «пришлось иметь дело с предметами, обнаруженными не в культурном слое, а на поверхности почвы, не с музейными коллекциями, уже подтвержденными предварительной обработкой, а с сырым материалом» [18, л. 73] (04.04.1953).

В фонде отложились несколько рецензий Марии Евгеньевны на произведения историко-литературного плана для широкого читателя: книгу А.М. Линецкого «Листы каменной книги» (Изд. 1952 г.) [18, л. 128–129] и поэму М.Е. Страховой «Итте» (М.-Л., 1946), основанную на фольклорных мотивах ненцев [19, л. 193–194].

М.Е. Фосс не делала различия между серьезными академическими специалистами и краеведами, одинаково внимательно относилась к их просьбам о помощи. В 1942 г. редактор газеты «Колхозный путь» с. Вашки Вашкинского района Вологодской области В.В. Гарновский составил археологическую карту Шольского района, и в 1944 г. обратился к Фосс, прочитав статью «Стоянка Кубенино» (Советская археология. 1940. Вып. 5). Признавая себя дилетантом археологом и оценив «особую эрудицию» Фосс в изучении неолита Северо-Западной части СССР, он попросил ее о консультации. Переписка длилась почти десять лет и, как результат, отчет о разведке Гарновского был рекомендован Фосс к публикации в Сектор полевых исследований института археологии [17, л. 14–15; 17, л. 77].

Л.В. Цинговатов, учитель географии в школе Морозовского лесничества Пензенской обл., написал заметку «Археологическая экспедиция в Пензенской области» для газеты «Сталинское знамя» (Пенза, 9.09.1951 г.) [10, л. 4]. Став впоследствии (1954 г.) преподавателем Пензенского педагогического института и основателем Пензенского отделения Географического общества, Цинговатов обращался к Фосс за консультациями о деятельности А.С. Уварова [17, л. 91–93]. Фотографию Фосс на память просил прислать Л.В. Цинговатов, а мичуринский краевед Дмитрий Колесов – просил еще и биографию для книги «Родина Мичурина» [17, л. 48–48 об.].

Сотрудница Мичуринского музея Н.Ф. Соколова обращалась к Фосс с просьбами о помощи музею в связи с работой Лесостепной экспедиции в 1953 г. А

помимо оказания научных консультаций, Фосс при слала дефицитный тогда бархат на платье для дочери музейной сотрудницы [17, л. 67–68].

В непростой в идеологическом плане исторический период в разгар классовой борьбы Фосс старалась сохранять порядочность и оставаться по возможности вне идеологии. Так, в уже вышеупомянутом отчете о раскопках на Летнем берегу Белого моря летом 1926 г. она пишет: «...церковная летопись, хранящаяся при храме в селе Лопшеньга любезно предоставленная для обозрения членам экспедиции местным священником о. Василием Ануфриевым...» (оттуда были взяты сведения о пожаре 1706 года и об окрестных тонях) [6, л. 16].

В 1830 г. в с. Ошевенское ее поселили в доме, где «в горнице на стене рядом с зеркалом, иконами и фотографами висел портрет (красочная литография) Николая II в золоченой рамке», Фосс обратила внимание на него ямщика: «Он, по-видимому, передал хозяйке и она, придя в горницу, не говоря ни слова, знаками попросила ямщика снять портрет и унесла его» [7, л. 5].

М.Е. Фосс была человеком, тонко чувствующим природу, наблюдательным, и кроме этого хорошо владела литературным языком. Во многих ее полевых записях точные сведения и обмеры сопровождаются подробными топографическими и историко-географическими описаниями, а сами описания природы носят лирический характер. Таковы: Отчет о раскопках на Летнем берегу Белого моря, произведенных летом 1926 года. [6]; Отчет о раскопках М.Е. Фосс в окрестностях озера Лача и верховьев р. Онеги близ Каргополя. 1928 [20]; Разведки по протоке р. Кинемы [21]; Полевой дневник разведок в окрестностях Кенозера. 1930 [7]; Полевой дневник Галичской экспедиции 1945 г. [9]. Приведем ее описание Летнего берега Белого моря: «Растительный мир на Летнем берегу очень богат. Леса покрывают весь полуостров и деревья, уже немного отступая от берега, мало отличаются по росту и составу от среднерусских. Только на берегу, открытом северным ветрам, можно видеть низкорослые деревья. Травяная растительность богата, и ковры цветов все лето покрывают луга и лужайки. Из хлебов культивируют ячмень, овес...» и далее следуют наименования цветов: лютик, полевой жасмин, полевая герань, глухая крапива, гвоздика, щавель, одуванчики, бессмертник, мышиные глазки, горошек, вереск, бубенчик, дикая редька, богородичная травка, Иван-да-Марья, примула, звездочки, болголов, златоцвет, подорожник, багульник, фиалки, тысячелистник, куриная слепота, незабудки, поповник, полевая рябина, чертополох, гвоздика, сон-трава, дурман-трава, матрешник. Очень много шиповника [6, л. 2–3].

Описание Медвежьего острова в окрестностях Кенозера (рис. 5): «Остров находится в 2-х км по напр. К северу-востоку от дер. Ряпусово. Этот остров самый большой на Кенозере (дл. – около 4 км, шир. – 1 км). Остров начинается узким песчаным мысом, едва поднимающаяся под водой. По направлению к северу-востоку начинается повышение на продолжении 3-х км, достигая наибольшей высоты 1/2 км от С-В конца. В этом месте остров (вид сбоку с лодки) имеет вид горбыша, напоминающего спину лежащего медведя. Подъем поверхности острова неравномерен, в некоторых местах повышение прерывается низкими заболоченными местами. В высоких частях

берега каменисты, а несколько отступя от берега, больше к середине острова, громадные валуны нагромождены друг на друга, образуя каменную стену с крутым скатом. Промежутки между заросли сосной, ольхой, березой, папоротником. Много вырубленных деревьев лежащих по земле. Картина полного хаоса. Ждешь, что между камнями или из-под валуныка вылезет медведь. В этом году на Медвежьем острове видели медведя, который спасся от крестьян, бросившись вплавь в озеро» [7, л. 10–13].

Рисунок 5 – Оз. Кенозеро. 1930 г. [7, л. 15]

Загруженность основной работой не мешала Фосс наблюдать непростую повседневную жизнь людей, с которыми ее сводила судьба: «Кенозеро совершенно изолировано. Берега то гористые, то понижающиеся до уровня воды, заболоченные, то представляющие собой нагроможденные друг на друга валуны, достигающие размером до 2 метров, то песчаные совершенно пустынные, правда только у самой воды. За прибрежной полосой повсюду виднеются или покосы (в низких местах) или поля (рожь, ячмень, овес) в высокой части. Вспахка тяжелая, так как земля с большими валунами, которые приходится или обходить вокруг (тракторы здесь совершенно неприемлемы) или выкапывать, что не всегда по силам. Озеро очень глубокое и чистое, так как дно каменистое. Очень редко и только у самого берега виднеется камыш или трава. Озерной и болотной птицы нет, но рыба есть. По рассказам попадаются щуки весом до пуда. Но мы с Борисом пробовали удить с берега и кроме сорочки ничего не поймали. При нас бабы забросили невод и тоже вытащили мелкую рыбу (штук 20). Говорят, что теперь рыбы не ловится» [15, л. 9]. Свои размышления о характерах, быте она оставляла в своих рабочих записях: «Перед Медвежьим островом есть остров без названия, на нём нет ни одной дерев-

ни, на высоком месте видна среди низкорослого леса как бы насаженная роща из высоких стройных деревьев. Здесь находится кладбище, где еще хоронят всех умерших на Кенозере. У деревень кладбищ нет. Церковь только в одной деревне (называемой Погостом, а на карте Горка!). У Погоста берег песчаный, кое-где растет сосна и кустарники вереса. Население нелюдимо. По сравнению с Нокольским неразговорчиво. Живут бедно. Деревни, за исключением Погоста, небольшие: домов 10–15. Рыбы ловится мало, лодки шитые из досок, весла вставляются в петли, сделанные из лыка. Дорога от Каргополя до Кенозера веселая, приветливая. От самого города идут поля, лески из невысоких сосен, березок, ольхи. Дорога узкая, заросшая травой. Всюду цветы: колокольчики, ромашки, иван-чай. Дорога волнистая: с горки на горку, извилистая, только у Ошевенского (волость, большое село на 3 1/2 км с монастырем) выпрямляется на протяжении 10 км... Ошевенское большое село из нескольких деревень, как и Ноккола, но Ошевенское красиво расположилось вдоль речки Чурьенги. Дома большие, высокие с нависшими крышами. Ставни, навес и углы изб украшены резьбой и красками. Березы посажены у домов, иногда вдоль улицы. Уютно и весело» [7, л. 3–6 об.]. Изображения и фотографии крестьянских изб и их интерьеров отложились в фонде М.Е. Фосс. [8, л. 89; 22, л. 37–42] (рис. 6).

В материалах архива М.Е. Фосс предстает перед нами как в высшей степени интересная личность, умная, интеллигентная женщина, с оптимистичным, любознательным взглядом на мир, человек безусловно целеустремленный, но при этом поэтический, очень скромный и порядочный, безумно любивший мир вокруг себя и всех людей, живущих вокруг. Ее смерть была преждевременной и трагической, ее жизненный путь – очень тяжелым: арест и смерть отца, событие, нуждающееся в дальнейшем изучении, – лишение ученой степени в годы войны, жизнь в эвакуации в Уфе и неожиданное триумфальное возвращение, защита диссертации заново, совмещение работы в ГИМ и Институте археологии, раскопки, статьи и монография. Национальные корни и фамилия М.Е. Фосс могли серьезно затруднить ее жизнь в послевоенные годы, но этого не случилось. Думается, что она все годы пользовалась дружеской поддержкой птенцов гнезда В.А. Городцова, сделавших великолепную карьеру в науке и бывших с ней всегда в добрых отношениях – мы имеем в виду, прежде всего, А.Я. Брюсова и А.В. Арциховского.

Рисунок 6 – С. Федоровское Чухломского у. Костромской губ. 1925 г. Рис. А.А. Байберт. Карандаш. [22, л. 37, 40] Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27)

В заключение, мы хотим привести письмо М.Е. Фосс от Н.Н. Гуриной (12.12.1950 г.) [17, л. 41–41 об.] (орфография и пунктуация сохранены).

Дорогая Мария Евгеньевна!

Простите пожалуйста, что немного задержала ответ на Вашу открытку, но очень скверно себя чувствовала. Переходила на ногах грипп и ангину и свалилась с обоими ими вместе. Сейчас еще на бюллетени, но собираюсь выходить. Отвратительно чувствуется сердце. Выгоняет в институт необходимость выполнения плана. Сейчас и у нас положение крайне напряженное (м.б. по некоторым обстоятельствам даже более, чем у Вас в Москве). Работы еще страшно много. Странно, как будто бы работал в течение года, а к концу все же надо сделать еще больше. Закончила разборку и приведение в порядок Оленьего Острова, всех коллекций и документов, сделала сводные чертежи по дневникам (теперь ясен раскол всех лет), в общем все уяснила и во всем навела по порядку. Сделала описание всех погребений (около 168 с разрозненными), получилось около 3 п. листов. Составила сводные таблицы. Иными словами в этом году сделала всю черновую, подготовительную работу.

Но осталась вторая тема – юго-западная Карелия в историческом освещении (это все памятники Сямозера в том числе и Курмойла рисую для ясности) [зарисовка].

И снова мучают неразрешенные вопросы, мучают настолько, что не дают делать ничего другого. Так необходимо иметь много фактов, а у нас их единицы. Работу в Карелии необходимо вести удесятеренными темпами, иначе долго придется ждать решения вопросов. Очень важно, что бы Александр Яковлевич уделил ей больше внимания, чем в последнее время. Так хотелось бы поговорить о многом с Вами, ощущая в этом просто физическую потребность.

Как Ваше здоровье? Не отражается ли на нем физическое переутомление? Думается, что Вы набрали на себя очень много.

Работается как то нервно. Нервозность усиливают и некоторые слухи. Как было бы хорошо, если бы не существовало некоторой сложности взаимоотношений между разными городами, как это глупо и ненужно. Последние события заставляют о многом задуматься. Я рада появлению работ тов. Сталина не только в общественном плане, но и особенно

в личном. Я обрела какую-то долю веры в себя, чувство, что безнадежно глупа, несколько уменьшилось.

Простите, Мария Евгеньевна, что пишу сегодня несколько отрывочно, повидимому это следствие некоторого осложнения гриппа на голову. Надеюсь придти потом в равновесие. Мой большой привет А.Я. Мои домашние шлют вам сердечный привет. Желаю здоровья и успешного окончания работы. 12.12.1950. Н. Гурина.

Список литературы:

1. Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: ИА РАН, 1998. С. 214–228.
2. Ошибкина С.В. О значении трудов М.Е. Фосс // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М., 1994. С. 173–178.
3. Якушкина М.М. Личный архив М.Е. Фосс в отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010. С. 770–780.
4. Кашина Е.А., Якушкина М.М. М.Е. Фосс и Государственный исторический музей: музейная деятельность исследовательницы по материалам личного архива // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 37–43.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 487. Ед. хр. 1.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 29.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 37.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 34.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 86.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 106.
11. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 99.
12. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 141.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 18.
14. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 8.
15. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 4.
16. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 3.
17. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 155.
18. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 151.
19. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 152.
20. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 7.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 9.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 93.

PERSONAL ARCHIVE OF THE ARCHEOLOGIST M.E. FOSS AS A HISTORICAL SOURCE

© 2019

Yakushkina Marina Mikhaylovna, researcher of Written Sources Department

Kashina Ekaterina Aleksandrovna, candidate of historical sciences,

researcher of Archaeological Monuments Department

State Historical Museum (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The archive materials of the notable archaeologist, which have both scientific and private character, give us a possibility to reveal the traits of M.E. Foss's personality. Her main features were diligence and self-control, multiplied by the ability to overcome difficulties with optimism. We can follow these dignities by her field notes, for example during the extremely difficult search trip to the White Sea shore in 1926 with her colleagues, during the cold northern summer, surrounded by wild animals, without guns. Some notes and drawings witness her perfect sense of humor. Exchanging letters with colleagues, local historians and museum employees, she frequently demonstrated the ability to give kind advice and friendly support, paying no attention to person's position whether it was a student or an honored academician. She usually tried to stay away from the Soviet ideology restrictions both in her behavior and studies, and loved nature with all her heart, which is evident from her lyric fieldwork footnotes.

Keywords: Stone Age archaeology; Bronze Age archaeology; State Historical Museum; historiography of archaeology; museology; museums of the USSR; archaeological excavations; archaeological surveys; expeditions; sketches; Russian North; correspondence; reviewing.